ЦЗИДИ МАЦЗЯ
吉狄马加

ТРИ ПОЭМЫ
三首长诗

Издательский Дом ЯСК
Москва
2025

УДК 82-1
ББК 84(5)
Ц55

Цзиди Мацзя

Ц55 Три поэмы / Пер. Ли Ялань, Г. В. Бондаренко. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2025. — 144 с. — *Вклейка в конце книги.*

ISBN 978-5-907498-82-2

Современный китайский поэт Цзиди Мацзя родился в июне 1961 г. в горной местности Ляншань, в автономной префектуре народа и в провинции Сычуань на юго-западе Китая. Поэт принадлежит к этническому меньшинству — народу и.

Мацзя пишет на современном китайском языке, при этом его родной язык — ийский.

С 2006 по 2010 г. он был вице-губернатором западной провинции Цинхай.

В сборнике представлены три поэмы Цзиди Мацзя — «Земля обетованная», «Расколовшаяся планета» и «Запоздалая траурная песнь». Поэтика Цзиди Мацзя глубоко укоренена в местной ийской почве, мифах и ритуалах. Поэмы его играют с темами обетованной земли, общемировым кризисом, но погружают их в ийское и китайское пространство, лишенное западных коннотаций.

УДК 82-1
ББК 84(5)

В оформлении обложки использовано изображение Чжигэ Алу — культурного героя в эпосе народа «и»

ISBN 978-5-907498-82-2

© Цзиди Мацзя, 2025
© Издательский Дом ЯСК, 2025
© Оригинальный текст на китайском языке Цзиди Мацзя, 2025
© Перевод на русский язык Г. В. Бондаренко и Ли Ялань, 2025

СОДЕРЖАНИЕ
目录

Григорий Бондаренко. Поэт черного племени 5
黑色部落的诗人 格里戈里·邦达连科 11

Земля обетованная 15
应许之地 31

Расколовшаяся планета — посвящается
всему человечеству и всему живому 47
裂开的星球
—— 献给全人类和所有的生命 79

Запоздалая траурная песнь
— на смерть моего отца Цзиди Цзочжо Вухонёце 101
迟到的挽歌
—— 献给我的父亲吉狄·佐卓·伍合略且 121

Григорий Бондаренко

ПОЭТ ЧЕРНОГО ПЛЕМЕНИ

Современный китайский поэт Цзиди Мацзя[1] (Цзиди Мацзе на ийском языке) родился в июне 1961 г. в горной местности Ляншань, в автономной префектуре народа *и* в провинции Сычуань на юго-западе Китая. Поэт принадлежит к этому этническому меньшинству — народу *и* (или, как они сами себя называют, носу). Мы говорим «этническое меньшинство», но всего *и* (или носу) на свете около десяти миллионов, побольше чем насельников иных европейских стран. Как справедливо заметил в своей статье о поэзии Мацзя Томас Венцлова, «литовцев-то у нас всего три миллиона». *И* живут не только в южных провинциях Китая, но и во Вьетнаме. Вплоть до 1950-х гг. *и* фактически жили независимо от китайских властей. *И* не были буддистами, конфуцианцами или даосами, они придерживались местной архаической веры. Особую роль в их мировоззрении играли жрецы бимоу, знатоки ийской письменности, преданий и мифов. Даже сейчас *и* практикуют бимоизм, участвуют в обрядах и жертвоприношениях.

[1] В русских переводах поэта обычно называли «Джиди Мацзя», но это неверная транскрипция, возникшая под влиянием английского языка.

Мацзя пишет на современном китайском языке (путунхуа), при этом его родной язык — ийский (насколько мне известно, на ийском поэт не пишет стихов). Можно сказать, что в своем творчестве Цзиди Мацзя совмещает как местное ийское, архаическое и немодерное восприятие пространства и времени, так и общекитайский, «имперский», буддистско-конфуцианский взгляд на мир. Недаром поэт, подобно другим китайским literati, служил своему государству и на чиновничьем поприще — с 2006 по 2010 г. он был вице-губернатором далекой западной провинции Цинхай, где окунулся в местную буддийскую культуру и даже организовал международный поэтический фестиваль.

Перед тем как ступить на поэтическую стезю и начать чиновничью карьеру, Цзиди Мацзя получил филологическое образование: в 1982 г. он окончил факультет китайской филологии Университета национальностей Юго-Запада Китая. Поразительно, что, по его словам, впервые поэтическое вдохновение Мацзя почувствовал, когда ему в руки попал томик Пушкина в китайском переводе! Первые стихи Цзиди Мацзя были опубликованы еще в 1980-х, тогда же он получил известность. Его стихи и поэмы были переведены на сорок языков. После периода яркой ранней любовной лирики Мацзя написал ряд поэм, в которых архаика и местный колорит переплетались с общекитайскими и мировыми мотивами, это «Великая река», «Расколотая планета», «Ушедший в бессмертие», «Тебе, Маяковский!». Три поэтических сборника Цзиди Мацзя вышли в России: «Время» (2013), «Черная рапсодия» (2014) и «Ушедший в бессмертие» (2017). Цзиди Мацзя — председатель поэтической секции Союза писателей Китая.

Скажем откровенно, современная китайская поэзия мало известна русскому читателю и не очень популярна в России. Восточная экзотика и пресловутый культурный барьер ставят китайских авторов в положение странных, диковинных маргиналов, не понятых и не нуждающихся в понимании. Русский,

да и любой другой западный читатель глянет на экзотическое имя на обложке с политкорректным уважением, а потом положит на верхнюю полку за неимением времени углубляться во всю эту «китайскую грамоту». Реакция для западного человека вполне естественная. И что же тогда отличает новую поэму Цзиди Мацзя, почему она вдруг заслуживает нашего внимания?

Во-первых, это поэма — восстание против современного мира, технической и постмодерной цивилизации. Китайский поэт осмеливается называть вещи своими именами, видеть пустоту в глазах современников и тупик в стандартном вестернизированном будущем. Его обетованная земля — постольку обетованная, поскольку принадлежит вечности — это древняя земля ийского народа, но это может быть и любая иная родина, у каждого народа свое обетование. Шире, для всех смертных земля обетованная лежит рядом, надо только открыть дверь или повернуть в правильную сторону, найти тот самый хайдеггеровский проселок.

Интерес вызывает само название поэтического текста — «Земля обетованная», 应许之地. Ясно, что библейский образ Земли обетованной — внешний как для китайской литературы, китайского сознания, так и для локального ийского мировоззрения. Этот образ понятен культурному китайцу с некоторым багажом знаний о западной культуре, но незнаком простому человеку, даже закончившему среднюю школу. Собственно, та Земля обетованная, Святая земля на Ближнем Востоке, где сейчас идет война и руками еврейского государства Израиль осуществляется геноцид арабского народа Палестины, упоминается только в первых строках поэмы. Она возникает скорее как попытка начать разговор о проблемах, общих для всех смертных. Так или иначе Земля обетованная становится у поэта маркером западного, внешнего, экзотического сознания или же, скорее, вводит поэму в круг мировой поэзии, куда так стремится попасть автор. Западное — значит мировое, по крайней

мере для модерных Китая и России, это всегда было так. При этом сама поэтика Цзиди Мацзя гораздо глубже укоренена в местной ийской почве, мифах и ритуалах. Поэма играет с темой обетованной земли, погружает ее в ийское и китайское пространство, лишенное иудео-христианских коннотаций.

Цзиди Мацзя осведомлен о библейской Земле обетованной, «текущей молоком и медом», но в его поэзии это иная земля и у нее особое место в его поэтической вселенной. «Это не о евреях и их Боге, это о нашей общей планете», — вот что пытается донести до нас китайский поэт-космист. Впрочем, меньше века назад его собственный народ, *и*, с его жрецами бимy и архаическими ритуалами жил на совершенно другой планете, где не было не только западных варваров, увлеченных идеями «обетованной земли» и «избранного народа», но и утонченных китайцев с их конфуцианской иерархией и пульсирующей империей. Сейчас, кажется, мы живем на одной планете, и тот факт, что китайский поэт задумывается о западной идее «земли обетованной», если не подтверждает победу иудео-христианского, авраамического мировоззрения, то по крайней мере говорит о победе глобализации. Некоторые идеи, да, стали универсальны. Представьте, если вы захотите уехать из страны, чтобы забыть на какое-то время о своих проблемах и полной лишений жизни северного человека, то ваш агент с удовольствием будет рекламировать дорогой отель на Мальдивах и кричать вам в уши: «Да это просто земля обетованная!»

Итак, в поэме Цзиди Мацзя нам предлагается даже не бинарная оппозиция, а четкая трехчастная схема: современность, «мир из стекла, штампованных деталей», которая плавно перетекает в будущее, «постройку из светящихся кристаллов», и, наконец, наше вечное прошлое, «традиционный мир» гор и лесов, огненных праздников и древних песен. Но где же среди этих трех миров искать ту самую «землю обетованную»? Что же было обещано нам, смертным, Богом или богами?

Или, быть может, мы заслужили разные «обетованные земли» в зависимости от цвета нашей кожи, наших богов и заветов? Обращает на себя внимание последняя фраза поэмы. Автор, кажется, признает, что его малая родина, ийская горная страна с ее древней традицией, и есть та самая «земля обетованная». В конце концов, не так ли для каждого из нас, у кого есть эта внутренняя родина, обетованная нам испокон веков?

В отчаянии или в надежде, в последнем устремлении автор взывает: «Пусть люди останутся частицей мира!» Он уповает на возврат к широкому небу и сырой земле. Проще сказать, чем достичь этого состояния! С давних пор, от песков Иудеи и Аравии на западе до манговых рощ под Варанаси в Индии, в пустыне и в лесу люди соблазнялись болезненным и пленяющим откровением — «Мы не от мира сего», «Сей мир — морок, иллюзия». То есть, если вы справедливо возмущаетесь нашим неизбежным и реалистичным будущим, составленным из «скоплений трехмерных бетонных зданий» и живущих в них новых людей с пустыми глазами, оторванных от корней и потерявших какую-либо связь с традицией, вы смотрите в будущее, созданное нашими неукротимыми желаниями в этой трансцендентальной пропасти между человеком и миром. Нами, современными, по-прежнему управляют Кама (наслаждение) и Майя (иллюзия), слившиеся в головокружительном танце.

Сможем ли мы вернуться в лес и в горы? Только когда придет время. Когда мы повзрослеем.

Я хотел бы выразить благодарность за помощь в переводе поэмы Цзиди Мацзя «Земля обетованная» Чжэн Сяотин, Лама Ицзу, Регине Бондаренко и Елизавете Абушиновой.

黑色部落的诗人

格里戈里·邦达连科

中国当代诗人吉狄马加（其姓名为彝语）1961年6月生于中国西南部的四川省凉山彝族自治州。诗人来自这个少数民族——彝族（或者如他们自称的——“诺苏”）。虽然我们在此称之为“少数民族”，但全世界的彝族人口将近一千万，几乎比一些欧洲国家的居民总数还要多。正如立陶宛诗人托马斯·温茨洛瓦在诗歌评论文章中所言：“我们立陶宛人统共也只有三百万。”除了在中国的南部省份，在越南也生活有彝族人。一直到1950年代以前，中国彝族一直保留有相对独立的旧制度彝人并未信奉佛教、儒教或道教，他们依循着当地古老的信仰。祭司毕摩和彝族文字、传说、神话的传承者在彝人世界观的塑造中发挥着重要作用。至今彝人仍在践行毕摩信仰，参加各类祭祀典礼。

诗人吉狄马加用现代汉语（普通话）写诗，尽管他的母语是彝语（据我所知，诗人并未用彝语进行创作）。在他的诗歌创作中，吉狄马加融合了彝族本土古老的、非现代性的时空观，以及全中华的、“帝国般”的、儒释教的视角来观察世界。同其他中国文人一样，诗人吉狄马加为国家发展效力，在他的从政生涯当中，2006–2010年就任于遥远的西部省份青海省，诗人醉心于当地的佛教文化，还举办了一系列的国际诗歌节。

在写诗和从政以前，吉狄马加首先获得了文学学位教育：1982年，他毕业于中国西南民族大学中文系。令人感到震惊的是，按照诗人的回忆，他第一次的诗歌灵感触动来自一本中译普希金诗集！吉狄马加的早期诗歌作品发表在上世纪80年代，自此便斩获诗坛声誉。如今，他的诗歌已被译成40种语言。在早期鲜明的爱情主题抒情诗之后，吉狄马加创作了一系列集古老文明与彝族原生态文明、全中华主题与世界主题相交织的长诗，例如《大河》

《裂开的星球》《不朽者》《致马雅可夫斯基》等。吉狄马加已有三部诗集在俄罗斯出版：《时间》(2013)，《黑色狂想曲》(2014)，《不朽者》(2017)。诗人吉狄马加现任中国作家协会诗歌委员会主任。

坦言，中国当代诗歌为俄罗斯读者所知甚少，且在俄罗斯并不那么流行。东方异域情调和人尽皆知的文化壁垒使得中国作家们处于一种古怪的、稀奇的边缘人状态，以至于他们不被理解且不需要被理解。俄罗斯读者，或者任何其他西方读者，怀着政治礼节般的尊重看一眼封面上的异族名字，然后便因无法深入研究“中文常识”而不得不将其放回书架的顶端。西方读者的这一反应是十分自然的。既如此，诗人吉狄马加这部新的长诗又有什么不同之处呢，它为什么需要我们的关注？

首先，这部长诗是对充斥着后现代技术文明的当今世界的抗议。中国诗人大胆地用自己的方式为事物命名，他敏锐地看到当代人眼底的虚空和西方程式化未来的死胡同。诗人的“应许之地”——既是应许，更归于永恒，它是彝人古老的土地，抑或别的故土，因为每个民族都拥有自己的许诺。更广泛地说，对于所有人，应许之地就在我们身旁，只消打开那扇门或者转到正确的方向，就能寻觅到海德格尔所言的那条“林中路”。

长诗的标题——《应许之地》本身就足够引人遐思。显然，“应许之地”这一《圣经》意象对于中国文学、中国理念，或者本土的彝人世界观来说，都是异质的。此意象可能会被深谙西方文明的、受过良好教育的中国人所理解，但对于寻常老百姓来说却很难了，即使他已是中学毕业了的。另外，那位于中东的“应许之地”“圣地”，当前正遭受战火、犹太人的以色列向巴勒斯坦的阿拉伯人实施种族屠杀的地方，仅仅在长诗的前几行有所提及。它更像是打开话题的尝试，讨论所有人共同面临的问题。如此一来，“应许之地”便成为诗人讲述西方、异质和异域思想的标识，它带领整首长诗进入诗人乐于探索的世界文明的圈层。西方的等同于世界的，长久以来对于现代中国和俄罗斯来说也确实如此。尽管这样，吉狄马加的诗学传统深深植根于本土的彝族土壤、神话和仪式。“应许之地”的主题长诗取缔了犹太耶稣教的内涵，深入彝族和中国文化空间。

吉狄马加知晓“流淌着奶和蜜”的《圣经》中的“应许之地”，但在他的诗中完全是另一种所在，这个概念在诗人的诗歌世界里占据着独特的地位。“它无关乎犹太人和他们的上帝，而是关于我们共同的星球”——这位宇宙主义者——中国诗人向我们如是传达。然而，大约一个世纪以前，彝族人民以及祭司毕摩以古老的方式生活在完全别样的星球，那儿既没酷爱“应许之地”

“天选之民”理念的西方野蛮人，也没有遵循儒家体系和帝国命脉的精致中国人。今天，我们好像是生活在同一个星球，中国诗人思索西方“应许之地”这一理念的事实如果不能说是犹太基督教和亚伯拉罕诸教的胜利，至少是在重申全球化的胜利。有些理念的确能够变成通用的。试想一下，如果您想出国走走，为了暂时摆脱自己的烦心事或者北方人的苦寒生活，那么旅游代理会非常乐意向您推荐一家昂贵的马尔代夫酒店，并在您耳边大声喊道：“看，这就是应许之地啊！”

因此，吉狄马加的长诗并不提供二元对立，而是清晰的三段式纲领：现代，“玻璃和模制品的世界”；漂浮着流向未来，流向“透明晶体的建筑”；最后是我们永恒的过去，曾拥有山林、热烈节日和古老谣曲的“传统世界”。可如何在三种世界之中寻找到“应许之地”呢？上帝或诸神曾向我们许诺过什么？难道由于肤色、神明和遗训的各异，我们将得到不同的“应许之地”？长诗的最后一句值得回味。诗人承认，他的故乡，他那刻有古老传统的彝人之地正是他的“应许之地”。直至最后，对每个人来说不正是如此吗？我们都有自古以来便许诺给我们的心灵故乡。

在绝望抑或是希望之中，在诗人最后的奋起追逐中，他呼吁：“但愿到那时候人还是这个世界的一部分！”他相信广阔天空和湿润大地终将复归。然而，说来简单，做到实难！很久以前，从西方犹太和阿拉伯的沙丘，到印度瓦拉纳西的芒果树丛，在荒原和森林中的人们就已发出痛苦而迷惘的自白——“我们不属于这个世界”，“此世界即幻象”。这就意味着，即便您对无法回避的、无比真实的未来感到愤懑，为“立体的水泥建筑物”和居于其中眼神空洞、远离传统之根茎的新人类感到愤懑，那您眼中的这个未来，依旧是由人与世界之间先验主义鸿沟之上的无穷欲望构建起来的。我们现代人，依旧受制于那“卡玛”（欲乐）和“摩耶”（幻象）交织的、令人头晕目眩的舞蹈。

我们能否再回到山林中去？只等待时间的到来。到那时，我们将再次长大。

本人在吉狄马加长诗《应许之地》翻译过程中得到郑晓婷、拉玛伊佐、莱茵·邦达连科和李莎（Elizaveta Abushinova）的帮助，在此一并感谢！

2024年7月

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Смотри, лежит обетованная земля!
Не дар от Господа еврейскому народу —
Здесь не течет молочная река.
Возможно, это наше будущее,
Мир из стекла, штампованных деталей,
Плод современности
Среди флейт и сфер,
А не одна из призрачных утопий.
Там неизменно расстояние меж звездами и головой,
Но звезды как будто ближе и дальше от наших душ.
О время! Ты не в себе, ты завершило
Седьмой навстречу вечности наш путь.
Тогда орел парил у облаков —
Собой являя смысла жизни
Сомнительное подтверждение.
На землю глядя с выси — о планета! —
Склонилась лестница под волей небосвода,
И шахматной доской душевных функций, скрещением
Трасс мерцает серый глянец.
То не пути домой; тропинки прошлого
Исчезли в основании черепа бродяги, и никогда уже не будет
Дитя играть на флейте на холмах, руками помавая.
Стада его овец вчера еще пропали,
И отражения каньона отброшены в расколотое небо.
Разрезы рек как цифровые ломти. Мир однообразен.
Изменчивы, печальны звуки гневных июльских гроз,
Пусть зарычат, задушат лица обоих берегов реки.

Мы будем ждать весь век или тысячелетие, чтобы просить
прощения у этих живых существ?
А вот музей каскадной гидроэлектростанции,
Где множество проектов восхваляется
И голые речные камни безмолвно возносят вздохи к небесам.
О солнце под личиною вождя,
Внимающее крикам белой лисицы! Человек есть мера
всех вещей,
А сонмы окрестных обезьян не обладают правом голоса,
И одинокую правду лишь позже смогут подтвердить потомки.
Здесь нет возврата к прошлому, есть жизни,
Что помнят исчезнувший дух.
И каждый отдается тишине предания,
Не знающего речи и языка.
Есть в языке один лишь недостаток:
Однообразны описания столь разных горестей.
Скопления трехмерных бетонных зданий стоят как клоны —
Отбросы нынешней планеты —
Не сходство, а одно лицо.

Се образ земли обетованной:

Они ушли отсюда много раз, но все же
Сюда вернутся — духи предков поныне здесь, —
Не ясно, что их держит: долг или воля.
Им памяти не нужно больше, чтоб дверь древесную
и древнюю открыть,
Ведь это только тень, живущая во снах.
Здесь умный город, и список горных деревень
Неведом будущим потомкам, а коль рассказчик
Захочет перечислить их, ему придется туго.
Стандартное жилье построено по плану,
И хлеб насущный каждый день однообразен.
Не Кафки замок, но для нас, для смертных, что-то вроде:

Постройка из светящихся кристаллов,
Ни запаха земли, ни поступи сезонов.
Их жизни единой сетью оплетены,
Не нужно истины; преодолев преграды,
Они увидят электронный глаз, мерцающий на небосводе.
В долине не скачут больше на конях,
Рысак Дали Ацзу[1] остался в словарях
И не услышит возгласов на скачках,
А были времена, когда его сородичи еще не вымерли,
Резвились в зоопарках
И охранялись бережно законом.
Кто знает, сколько хвалили их и славили:
Бесчисленные воины остались в памяти и верные их кони.
Кому нужны творцы трехцветных седел,
Хоть их изделия еще найдешь в музее городском,
И посетитель глянет на них почтительно. Это уже не
Эра лошадей. Померкли нимбы всадников,
Пророчество о найденной подкове лишилось смысла.
Работа ветряков на дальних склонах
Проснувшемуся люду сообщает о смене века.
Ведь раньше люди находили путь в пространстве быстрее,
а нынче новые машины
Доставят каждого куда б он ни хотел.
Вот торжество наук, победа технологий,
Но не совсем триумф для смертных, ибо
Ушел последний певший всю колыбельную с начала до конца.

Земля обетованная за мороком стекла,
Не летний нынче сезон дождей — на оборотке неуверенности
Дожди и слезы в нераздельном потоке
Преображают крутые горы во спящих любовников,
И песня высоким голосом тревожит постоянно.

[1] Дали Ацзу — знаменитый легендарный конь народа *и*.

Те, кто бежал предания, чтоб выжить,
Забыли напрочь смыслы корнеслов.
Нет больше места в доме очагу, лишь слабый отблеск
Едва не гаснет в памяти далекой старцев.
Порою эти образы нахлынут,
Наполнят темные морщины мутною слезой.
О пламя, ты озаряло мудрость тысячелетий,
Переходя от пращура потомку,
Учило в жизнь вступать и смерть встречать,
Пуская живую речь родного языка течь в вечной пустоте,
Огонь позволит сидящим в круге
Увидеть ясно вещи в темноте.
Но здесь, в пространстве цифровых обителей,
Все нужды равнозначны:
Абстрактный человек владеет миром.
В сплетении стали и бетона
Наш завтрашний приют — штамповка новых блоков.
И если сказитель жив еще, его глаза
Последуют за солнцем в небосводе,
Чтя все живое, как предки ране.
Ныне, в настоящем — лишь его голос,
И звуковой костяк поддерживает светлый свод небес.
Так, повинуясь зову сказителя, течет река,
А горы теперь священнее, чем прежде,
И каждое живое существо, букашки малые
Сберутся в дружную ватагу
Отпраздновать таинственное жизни торжество.
Хоть заклинатель — не биму[2],
Его заклятием из опутанного сетью замка
Был найден путь, пусть не ведущий
В потерянных преданий старый мир,

[2] Биму — «знатоки писания», знающие свою особую письменность, традиционные жрецы народа *и*.